

КИБЕРТАНАТОЛОГИЯ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ СМЕРТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Преобладание технологий и цифровых связей произвело революцию во всех аспектах социальной жизни людей, в том числе в смерти. Цифровые технологии меняют способы взаимодействия между живыми и мертвыми. Действительно, новые технологии не только внедряются в опыт ухода из жизни, смерти и скорби, но и меняют глобальный контекст, в котором происходят эти явления. И хотя сами взаимодействия между явлениями, связанными со смертью и технологиями, не являются чем-то новым, повсеместное присутствие цифровых пространств резко повысило их значимость и масштабы. Чтобы углубить и структурировать понимание этих взаимодействий, мы вводим понятие кибертанатологии как артикуляции смерти и всех связанных с ней явлений в цифровом пространстве. В свете этой концепции данная работа исследует топологию онлайн поведения, связанного со смертью, а также ряда сопутствующих явлений; рассматривает текущее состояние знаний об онлайн репрезентации смерти и скорби; определяет проблемы, с которыми придется столкнуться в будущем, чтобы оптимальным образом интегрировать понимание явлений, связанных со смертью, в более широкую область киберпсихологии. Развивая диалог между киберпсихологией и исследованиями смерти, кибертанатологические исследования не только приведут к теоретическим достижениям, но и будут способствовать получению практических знаний, которые помогут людям справиться со смертью и скорбью в современную технологическую эпоху.

Ключевые слова: кибертанатология, цифровые поминки, скорбь, траур, присутствие, танатология.

1. Введение. Начиная с первых изображений человека на стенах неолитических пещер, восприятие смерти было опосредовано 'технологиями'. Действительно, хотя на социальное присутствие мертвых влияют многочисленные социокультурные факторы, такие как, например, религия, коммуникационные технологии играют значительную роль благодаря их важности во взаимодействии между живыми [1]. С древних времен средства коммуникации позволяли взаимодействовать по поводу смерти — и в некоторой степени со смертью — либо через устную речь (например, устное поминовение предков), либо через образные представления (например, статуи, картины), либо через письменность (например, надписи на камнях, *Книга мертвых* в Древнем Египте). Во все времена технологический прогресс — будь то печать, телеграф, фотография, кино или телевидение — поддерживали и сопровождали репрезентации смерти [1, 2]. Цифровые технологии не являются исключением

из этой аксиомы. Однако они еще больше усиливают зависимость репрезентации смерти от технологий, поскольку полностью перестраивают взаимодействие между живыми и мертвыми.

Появление Интернета в последние десятилетия XX века стало переломным моментом в технологической трансформации опыта, связанного со смертью. Интернет возник как универсальный носитель информации, объединивший в себе почти все предыдущие, такие как письмо, речь и фотография. Всемирная сеть позволила возникнуть сообществам, которые могли существовать за пределами физического пространства [3, 4]. В то же время появились новые формы внешней манифестации траурных ритуалов в виде цифровых поминок, таких как киберпохороны (транслируемые в Интернете или проводимые онлайн), виртуальные кладбища [5, 6], а виртуальные сообщества, сконцентрированные вокруг скорби, появились уже в девяностые годы [7]. С ростом преобладания цифровых технологий,

с одной стороны, и старением населения — с другой, оцифрованные пространства все чаще используются для скорби, траура или поминовения [8]. Это перемещение репрезентаций смерти из физического мира в киберпространство ускорило и усугубилось пандемией COVID-19 [9]. Действительно, после мер по физическому дистанцированию, которые были приняты во многих странах мира, использование цифрового пространства стало одной из единственных альтернатив для проведения похоронных ритуалов, получения поддержки или профессиональной помощи [9, 10].

Несмотря на наше утопическое восприятие виртуальных пространств как пространств свободы, они не являются эгалитарными пространствами. На самом деле цифровое неравенство — различия в доступе и использовании технологий — только усилилось во время пандемии COVID-19 и представляет собой один из важнейших вызовов технологической эпохи [9, 11]. Действительно, данные по их использованию свидетельствуют о том, что социально и информационно привилегированные лица смогли сохранить или даже увеличить количество цифрового общения со своей семьей и друзьями во время пандемии, в отличие от обездоленных слоев населения [12]. Поскольку зависимость от технологий растет, существует реальный риск того, что цифровое неравенство будет перенесено на опыт смерти, ее репрезентации и другие аспекты. Более того, с увеличением количества данных в сети и усложнением цифровых идентичностей [13–16] каждая 'киберсмерть' — смерть, происходящая в киберпространстве, — оказывает влияние на виртуальные пространства, занимаемые умершим, будь то смерть реального человека или аватара.

В данной статье мы представим концепцию кибертанатологии в качестве операциональной теоретической основы и практического инструмента для понимания и анализа опосредованных технологиями взаимодействий с опытом и репрезентациями смерти. Наша цель — предложить этапы осмысления этой новой реальности. Сначала мы рассмотрим, как новые технологии встраиваются в опыт умирания и скорби и как они меняют глобальный контекст, в котором этот опыт происходит. Затем перейдем к критическому анализу терминологических попыток квалифицировать взаимодействие между танатологией и технологиями, что приведет нас к концепции кибертанатологии. После определения концепции кибертанатологии мы рассмотрим данные явления в контексте трех основных взаимосвязанных тем: цифровой идентичности, ритуалов и сообществ, а также цифрового образования в области смерти и практик медицинских работников. Наконец, мы выявим некоторые из возникающих проблем кибертанатологии, в том числе этические и правовые. И в итоге обсудим, как включение концепции кибертанатологии в определение будущих исследований расширит понимание киберпсихологии, а также обновит и укрепит потенциал области исследований смерти в цифровую эпоху.

2. Смерть и технологии.

2.1. Эволюция отношений между смертью и технологиями. В исторической перспективе представления о смерти и связанных с ней явлениях постоянно развивались вместе с техническим прогрессом. Развитие средств массовой информации в прошлом веке привело к значительным изменениям в способах распространения социальных норм

в обществе [17, 18]. Благодаря появлению газет некрологи стали одним из первых проявлений того, как технология может расширить общественный опыт переживания скорби, сделав публичным то, что в противном случае осталось бы замкнутым в кругу семьи и близких людей [2, 19]. Некрологи, обычно включающие в себя краткую биографию с перечислением основных достижений человека, служили средством оповещения о смерти человека расширенной социальной сети, не обязательно входившей в круг знакомств самого умершего [19]. Однако такая форма мемориализации была доступна не каждому умершему. Общественные деятели или частные лица, умершие при чрезвычайных обстоятельствах, которые часто включали в себя некоторую неожиданность, сенсационность и насилие, с большей вероятностью выиграли бы от такого письменного свидетельства о своем существовании, чем обычные люди [20, 21]. По мере того как благодаря средствам массовой информации чувство общности переходило из локального в космополитическое [22], некрологи продолжали эволюционировать с появлением новых коммуникационных медиатехнологий, таких как телевидение или Интернет [2], что дало возможность трансформировать их специфические формы и функции как в плане их содержания — теперь в некрологах можно было распространять больше информации, — так и в плане их географического охвата [19]. Некрологи эволюционировали вместе с Интернетом в первом поколении онлайн-мемориалов, размещенных на виртуальных кладбищах, появившихся в 1990-е годы. Онлайн-мемориалы стали еще одним 'пространством' для мемориализации или социальной поддержки, выходящим за рамки традиционных ограничений по географическому положению или статусу умершего. Они представляют собой веб-страницы, позволяющие длительное время выражать скорбь, которая включает голос покойного [5, 6, 23], и являются непрямым каналом для обмена личными эмоциями, сохранения памяти об умершем и помощи другим людям, переживающим аналогичный опыт скорби [5], перевода переживания скорби из частной сферы в публичную [24–26]. Они располагались в пространствах — веб-сайтах — отделенных от тех, которые занимают живые, подобно тому, как это происходит на кладбищах [2, 23]. Однако несмотря на то, что первые онлайн-мемориалы расширили географические границы траурного сообщества, интерактивность все еще оставалась ограниченной.

Хотя с середины XIX века движение спиритуалистов пыталось использовать технологии для общения с умершими с помощью некоторых видов медиа, таких как телеграф, фотография и телефон [2], именно социальные сети совершили коперниканский переворот в социальном присутствии умерших. Добавив интерактивность и непрерывную синхронность, социальные медиа привнесли новые возможности в способы коммуникации, которые произвели революцию в человеческом общении и культурных практиках. Цифровые технологии позволяют людям стать 'актерами', а не 'зрителями' при взаимодействии с мертвыми, тем самым переопределяя способы посредничества со смертью. Социальные медиа знаменуют собой переломный момент, интегрируя мертвых в пространство, занимаемое живыми [2, 23]. Индивидуальные страницы, созданные при жизни, становятся местами поминовения, где можно выразить скорбь и оплакать умершего [26]. Таким образом, каналы коммуникации

продолжают существовать в той или иной степени и после смерти, позволяя скорбящим поддерживать форму общения с умершим [23]. Очевидно, что этот новый подход оказывает значительное влияние на практики поминовения, поскольку цифровые поминовения — это не просто традиционные ритуалы, перенесенные с помощью технологических средств, но внутренне отличные от них.

2.2. Концептуализация отношений между танатологией и технологиями в цифровую эпоху. Новый способ взаимодействия технологий и восприятия смерти людьми не остался незамеченным учеными. Было предпринято несколько терминологических попыток квалифицировать эти взаимодействия между танатологией и технологиями [7, 27, 28]. И хотя сам по себе термин 'цифровая смерть' относительно понятен [27], его простота, похоже, работает против него. На самом деле 'цифровая смерть' не охватывает всей сложности взаимодействия между технологиями и явлениями, связанными со смертью. Так, например, обстоит дело со скорбью, которое представляет собой важный компонент индивидуального восприятия смерти в цивилизационной перспективе, но которое при этом не охватывается понятием 'цифровая смерть'. Термин 'танатотехнология' также появился в конце девяностых годов и был определен как «технологические механизмы, такие как интерактивные видеодиски и компьютерные программы, которые используются для доступа к информации или помощи в изучении танатологических тем» [7, р. 553]. Чтобы охватить развитие технологий в течение последующих 15 лет, позднее было предложено расширить это определение до «всех видов коммуникационных технологий, которые могут использоваться в обучении по вопросам смерти, консультировании по вопросам скорби и танатологических исследованиях» [28, р. 3]. Хотя это определение предлагает интересную отправную точку, термин фокусируется на технологическом аспекте, а не на человеческом измерении. Но ведь технологии — это не только ресурсы или инструменты, которые можно использовать в профессиональной практике или в целях цифрового поминовения. Очевидно, что выражение скорби может быть как обеспечено, так и ограничено эволюционирующими техническими возможностями различных платформ [25], да и сами платформы развиваются в соответствии с культурным и социотехническим давлением, оказываемым, в частности, опытом, потребностями и желаниями пользователей. Действительно, технологии являются частью социальной нормативной базы, влияющей на танатологию, и играют контекстуальную роль в том, как скорбь и переживание смерти формируются в обществе [29]. Учитывая, что использование технологий, как и само чувство скорби, можно понять в социальном, экономическом, культурном и глобальном контекстах [9, 30, 31], взаимодействие между связанными со смертью явлениями и технологиями также должно быть встроено в социальные, духовные, институциональные, культурные и исторические контексты.

Взаимодействие между смертью и новыми технологиями выходит за рамки образования по вопросам смерти, консультирования по вопросам скорби или методологического инструмента танатологических исследований, поскольку оно касается не только того, как технологии используются для встречи со смертью, но и того, как смерть теперь происходит в цифровом пространстве. Это означает, что

необходимо сосредоточиться на человеческом измерении, а не на чисто технологическом. В контексте явлений и опыта, связанных со смертью, новые технологии выполняют не только коммуникативную функцию. Напротив, они оказывают непосредственное влияние на то, как смерть и скорбь концептуализируются и понимаются в обществе, что, в свою очередь, приводит к социальным и культурным изменениям, трансформирующим социальные нормы, связанные с переживанием смерти и скорби [2]. Таким образом, приставка «кибер-» представляется более уместной, поскольку она отражает идею киберпространства как пространства, а не технологии как инструмента. Так что адекватное определение данного феномена должно включать в себя это измерение. По этой причине мы предлагаем определить кибертанатологию как артикуляцию смерти и других связанных с ней явлений (-танатология) с помощью цифровой сферы и внутри нее (кибер-). Это определение включает в себя влияние будущих технологических разработок, которые могут выйти за рамки средств коммуникации, таких как искусственный интеллект или дополненная реальность. Кибертанатология — это не просто онлайн-отражение традиционных танатологических тем или подтема танатологии, а скорее место встречи между танатологией и киберпсихологией.

3. Картирование цифровых феноменов, имеющих отношение к смерти.

3.1. Цифровые идентичности и киберсмерть.

Киберпространство не является независимым от физического мира [4, 13, 32]. Люди, населяющие киберпространство, являются реальными людьми. Каждый пользователь Интернета оставляет цифровые следы, и накопление данных в киберпространстве создает цифровую идентичность. Эта цифровая идентичность, которую пользователи поддерживают с течением времени, совершая самые разные действия, такие как использование социальных сетей через определенные аккаунты, оставляя комментарии на страницах форумов или поддерживая аватары в онлайн-играх, становится такой же стабильной, как и идентичность, которую человек имеет в физическом мире [13–16].

Учитывая сложность и многокомпонентность цифровой идентичности, возможны различные формы киберсмерти. Первый тип киберсмерти происходит именно в киберпространстве, то есть независимо от смерти в реальной жизни, когда 'умирает' аватар или закрываются аккаунты пользователей социальных сетей или форумов. Например, смерть аватара может произойти в иммерсивных онлайн-мирах, таких как *Second Life*, когда аватар символически убивается своим реальным пользователем или социально умирает в результате длительного отсутствия [33]. Второй тип киберсмерти может произойти одновременно со смертью в реальной жизни. Однако, что интересно, смерть человека в реальной жизни не означает, что его виртуальный аналог прекратит свое существование [2, 34]. В действительности часто имеет место обратная ситуация. На самом деле умершая социальная идентичность не только сохраняется в киберпространстве, но и может постоянно со-конструироваться теми, кто еще жив. Как правило, это происходит в случае с онлайн-мемориалами, где друзья и родственники могут общаться друг с другом по поводу умершего. Это явление может достигать и гораздо больших масштабов. Например, после смерти Кэрри Фишер в Твиттере наблюдались многочисленные реак-

ции фанатов, в том числе многочисленные ссылки на ее роль защитника психического здоровья, что позволило сохранить ее наследие [34]. Возвращаясь к киберсмерти аватаров, следует отметить, что аналогичные явления наблюдаются и в онлайн-играх. Персонажи могут быть увековечены таким образом, чтобы обеспечить непрерывность социальной жизни умершего в игровом мире, например, как неигровой персонаж или как цифровой остаток в гоночной видеоигре в виде автомобиля-призрака, в котором хранится самый высокий результат, набранный покойным [2]. Цифровые идентичности не только продолжают конструироваться, но и, прежде всего, со-конструируются самими еще живущими с помощью свидетельств, мыслей и эмоций, которыми, например, они делятся на своих личных страницах в социальных сетях [2, 26]. Такое непрерывное повествование помогает поддерживать отношения, которые называются 'постоянными узлами' [35]. Хотя некоторые данные свидетельствуют, что это может быть полезно для процесса скорби, множественные повествования от нескольких еще живущих могут дать противоположные или даже противоречащие друг другу точки зрения на умершего, которые могут затруднить процесс переживания утраты [35–37].

С постоянным ростом использования технологий среди населения большой объем данных накапливается годами одним пользователем в виде цифровых документов, фотографий или через аккаунты в социальных сетях [27]. После смерти человек оставляет в наследство цифровое имущество, с которым нужно обращаться так же, как и с другими видами имущества. Такие расширенные и долговременные формы цифровых следов можно назвать цифровым наследием [38]. Цифровое наследие неоднородно и может содержать статические цифровые активы и данные собственности, хранящиеся в облаке или на устройствах, такие как пароли и информация об учетных записях, обрывки от общения (например, частичные или полные архивы электронной почты), цифровые личные вещи (например, фотографии и видео), а также данные, агрегированные как результат взаимодействия с поставщиком цифровых услуг (например, сайтами социальных сетей, интернет-магазинами) [38, 39]. Курирование разных компонентов этого наследия может различаться. Некоторые из них могут рассматриваться так же, как физические личные вещи покойного, поэтому они могут быть унаследованы его преемниками и потенциально храниться как артефакты для поддержания траурного ритуала и переживания скорби. Однако другие компоненты цифрового наследия могут обрести собственную жизнь в киберпространстве и продолжать вносить вклад в развитие цифровой идентичности, даже если первоначально пользователя уже нет в живых. Это потенциально представляет собой еще один способ, с помощью которого умершая личность продолжает существовать в киберпространстве после своей физической смерти. Несмотря на то, что данное явление растет в геометрической прогрессии, существующие нормативные акты скудны, часто противоречат друг другу и не являются общепринятыми [39]. Национальные законы часто с трудом реализуются в цифровом пространстве, особенно в контексте умерших людей, что приводит к значительным проблемам в обеспечении соблюдения любого регулирования [40]. Некоторые поставщики цифровых услуг стали вносить изменения в свою политику, примером мо-

жет служить политика Facebook¹ по увековечению памяти умерших пользователей [39]. Кроме того, возникающие новые компании начали предлагать услуги по управлению учетными записями умерших пользователей. Хотя различия в том, какие варианты предлагают разные сервисы в разных странах и разным людям, все еще сохраняются.

3.2. Ритуалы и сообщества. Как уже говорилось выше, цифровые технологии оказывают непосредственное влияние на общественные нормы, связанные с восприятием смерти и скорби, а также на то, каким образом живые обсуждают взаимоотношения со смертью. Такие обсуждения находят свое отражение в эволюции ритуалов. Цифровое поминовение включает в себя различные ритуальные практики, наподобие онлайн-поминок и киберпохорон (в форме похорон, проходящих в киберпространстве, или онлайн-трансляций и записей похоронных служб), которые также поддерживают опыт скорби в обществе. Хотя большая часть похоронных практик изначально вдохновлена общепринятыми формами поминовения, их 'цифровизация' не является исключительно только лишь продолжением данных траурных форм, просто реализуемым с помощью технологий. Напротив, цифровизация поминовения приводит к появлению совершенно новых форм траурных ритуалов. Онлайн-мемориалы размещаются на различных платформах — на специальных посвященных скорби мемориальных сайтах или на неспецифических мемориальных сайтах [26], причем последняя категория сайтов знаменует собой наибольший отрыв от традиционных форм траура и переживания скорби. Несмотря на отсутствие культурных рамок, регулирующих самовыражение в онлайн-мемориалах, их содержание в основном вращается вокруг нескольких тем: разговор с покойным, повествование о его жизни, эмоциональное выражение скорби, чувства вины или тоски по покойному [5, 6, 19, 24, 41]. Эмоциональные реакции наблюдаются не только в отношении близких, но и незнакомых людей [42, 43], умерших знаменитостей [44, 45] и даже вымышленных персонажей [46, 47]. Визуальная ритуализация через социальные сети, такие как YouTube, часто используется для поминовения трагедии в сообществе [43, 48]. Использование социальных медиа для цифрового поминовения потенциально может изменить считающиеся приемлемыми социальные и культурные нормы, связанные со скорбью и трауром, что приведет к появлению новой модели скорби, которая будет одобрять публичное выражение чувств и демонстрацию эмоциональной уязвимости [19, 41]. Повсеместно преобладающее использование социальных сетей в повседневной общественной жизни увеличило как популярность, так и доступность онлайн-мемориалов [2, 26], позволив цифровым формам поминовения стать привычными культурными практиками [49], несущими альтернативные социальные нормы, в основаниях которых лежит опыт траура и скорби более близкий к реальности.

Благодаря возможности социального взаимодействия онлайн-мемориалы, в особенности те, что находятся на не связанных со скорбью сайтах, предлагают новые формы поддержки пережившим утрату, способствуя формированию неформального, временного, организованного или структурированного сообщества, которое разделяет общий проект, основанный на взаимной поддержке, обмене опытом и взаимопомощи [19, 37, 48]. По всей видимости, люди, пережившие тяжелую утрату,

также ценят чувство принадлежности к обширному онлайн-сообществу людей, переживающих аналогичный опыт, что позволяет им получать эмоциональную поддержку, обмениваться информацией и получать доступ к пространству для мемориализации, в котором оказывается отражен эволюционный характер скорби во времени [50]. В качестве иллюстрации опыта и практики скорби в цифровом сообществе онлайн-игры представляются отличным примером, в частности, благодаря социальности, интерактивности, эстетике и креативности онлайн-игровых миров [13, 14]. Цифровое поминовение в онлайн-играх представляет собой уникальное явление, переводящее традиционные формы скорби в повседневную игровую деятельность, опираясь как на игровую культуру, так и на специфические возможности игр, как для игроков/персонажей, так и для создателей игр [2]. Увековечение памяти и мемориализация варьируются от оцифрованных форм обычных траурных символов (например, поминальные службы или виртуальное кладбище для захоронения аватаров или поминовения неигровых персонажей) до инновационных, таких как создание неигровых персонажей с аватаром умершего и с квестами, имитирующими жизнь покойного [2, 33]. Однако эта миграция мемориалов из физических в гибридные (физические и цифровые) пространства привлекает не только сострадательных зрителей. На самом деле не у каждого посетителя онлайн-мемориалов обязательно возникает чувство принадлежности к сообществу, и не все они способны созданию поддерживающего нарратива [19, 48]. Помимо луркеров², пассивных по определению, в онлайн-пространствах можно наблюдать и более проблемные формы поведения. Так, некоторые люди пытаются осквернить онлайн-мемориалы, сочетая поведение, представляющее собой онлайн-эквивалент вандализма на реальных могилах, с типичными действиями троллинга в социальных сетях — явление, квалифицируемое как RIP-троллинг [2, 26, 51]. Кроме того, восприятие мемориальных ритуалов в цифровом пространстве нельзя назвать единодушным. Примером отсутствия согласия в отношении природы и функций таких ритуалов может служить массовая многопользовательская онлайн-игра World of Warcraft, когда члены гильдии, собравшиеся для проведения ритуала в память об умершем игроке, увидели, что во время церемонии их аватары были атакованы членами противоположной гильдии [2, 23]. Последовавшие за этим событием дебаты показали поляризацию игрового сообщества по этим вопросам. В целом эти практики демонстрируют сложность взаимодействия между реальным и цифровым пространством, когда речь идет о поминовении и о том, как могут меняться траурные ритуалы при слиянии с онлайн-миром.

Наконец, обсуждая цифровые ритуалы, нельзя обойти стороной тему похоронной индустрии. Если цифровая революция приводит к росту общественных требований, то вместе с ней приходит и более глубокое понимание того, как использовать технологии для поддержки планирования похорон, семей погибших и поминовения усопших [52]. Появляющиеся технологии позволяют дополнить похоронную индустрию различными услугами — от киберпохорон до более инновационных сервисов, таких как соединение надгробия с мемориальной страницей в Интернете с помощью штрих-кодов с использованием дополненной реальности [2]. Однако с более широкой социально-экономиче-

ской точки зрения развитие технологических услуг может быть мотивировано коммерческими интересами [27, 53]. Например, некоторые похоронные бюро используют социальные сети, руководствуясь желанием укрепить чувство общности, при котором данное похоронное бюро становится единственным очевидным выбором похоронных услуг для тех, кто попытается (ре)позиционировать себя в жизни местного сообщества [52]. Это свидетельствует о важности социокультурных последствий расширения ритуалов, связанных со смертью, и включения в них киберпространства в дополнение к физическому.

3.3. Цифровое образование в области смерти и практика медицинских работников. В западном мире смерть стала в значительной степени медицинализированной и чаще всего она настигает людей в институциональных условиях, таких как больницы или учреждения долгосрочного медицинского обслуживания [54, 55]. Таким образом, контекст здравоохранения стал одним из основных компонентов в работе со смертью. Цифровые технологии часто рассматриваются в сфере ухода за умирающими больными в виде инструментов для предоставления услуг, так и для обучения пациентов — и в целом населения. Поскольку все больше семей географически отдалены друг от друга, истории о цифровой помощи близкому человеку в последние минуты его жизни больше не являются исключением [56]. Более того, индивидуальные или групповые сеансы терапии и другие услуги могут быть предложены онлайн [8, 57]. Эти практики требуют адаптации, чтобы вписаться в онлайн-мир. Тем не менее большинство людей, переживших тяжелую утрату, предпочитают обращаться за поддержкой к друзьям и родственникам [58], похоронным организациям или в Интернет [59]. На самом деле, как было показано в разделе выше, цифровые пространства могут обеспечить комфорт и поддержку для скорбящих и умирающих людей в гораздо большей степени, чем это могут сделать системы здравоохранения. Коль скоро скорбь и забота о людях, ожидающих конца своей жизни, больше не являются исключительной обязанностью медицинских работников, аналогичное явление наблюдается также и в том, как Интернет трансформирует распространение информации, связанной со смертью, — другими словами, образование в области смерти.

Образование в области смерти может быть формальным и предоставляться медицинскими работниками, а также специалистами по вопросам смерти, или неформальным, то есть случайным, когда люди сами ищут информацию, либо непосредственно связанную со смертью, либо нет [60]. Интернет расширяет возможности по доступу и производству формальных ресурсов и в то же время поддерживает больше неформальных ресурсов по обучению смерти, чем любое другое средство массовой информации. В то время как формальные источники образования по вопросам смерти существуют в виде онлайн-классов [60], неформальное образование может происходить множеством способов, поскольку Интернет переполнен веб-страницами из различных источников, посвященными скорби, информационной и практической поддержке тех, кто ее переживает [8]. Очевидно, что определение надежности ресурса и относительной полезности предлагаемых там советов имеет большое значение. Однако роль цифровых технологий в образовании по вопросам смерти заключается не просто в пере-

даче знаний, а скорее в распространении социальных норм.

Роль средств массовой информации в распространении социальных норм является центральной. Масс-медиа, включая их интернет-компонент, склонны освещать смерть публичных личностей или людей, погибших при чрезвычайно жестоких или неожиданных обстоятельствах [20, 21]. В таких репрезентациях переживание скорби структурируется с помощью социальных факторов (например, жанра, возраста, статуса и отношений) и изображается как подходящий способ испытывать чувство скорби [21]. Таким образом, социальные нормы, связанные со скорбью, формируются под влиянием сенсационности и журналистских ценностей и представляют собой исключительные ситуации, которые не обязательно отражают реальность [25]. Нормы также могут формироваться под влиянием того, как телесериалы изображают смерть [25, 61]. Свидетельства осведомленности по вопросам смерти также были зафиксированы после смертей знаменитостей, в частности Стива Джобса, когда среди фанатов, в наибольшей степени идентифицирующих себя с ним, резко выросло количество запросов информации о раке поджелудочной железы [62].

Хотя веб-страницы ведущих СМИ по-прежнему составляют значительную часть репрезентаций, с которыми люди знакомятся в поисках информации о скорби и смерти, и оказывают большое влияние на понимание смерти [8], из этого не следует, что все эти люди играют активную роль в конструировании смысла, связанного с переживанием смерти. Интерактивность социальных сетей может размывать границы, поскольку они предоставляют широкие возможности для неформального обучения по вопросам смерти. И действительно, благодаря личным историям, которыми люди делятся в блогах, форумах или социальных сетях, Интернет стал неформальным ресурсом понимания смерти [23] и способствовал созданию общих смыслов, связанных с опытом смерти, которые могут быть ближе к реальности, чем смыслы, репрезентируемые средствами массовой информации. Например, серия квестов 'Крестonosец Брайденбрад' в World of Warcraft была создана в честь Брэдфорда Брайденбекера, который умер после долгой борьбы с раком, и хотя история этих квестов посвящена его жизни, она также несет в себе нарратив смерти, представляя ее как трансформацию, а не как конец [2]. Другие свидетельства способны охватить большое количество людей, как в случае с умершими знаменитостями, когда поклонники делятся в социальных сетях информацией о причине смерти [44] или о делах, за которые они выступали [34, 63]. Онлайн-обсуждения и сообщения могут лежать в основе или поднимать политические, исторические аспекты и вопросы социальной справедливости, например, как в случае с павшими датскими солдатами [43] или движением Black Lives Matter [64, 65]. Таким образом, с точки зрения цифрового образования по вопросам смерти и практики медицинских работников, интерактивность социальных сетей не только обеспечивает социальное взаимодействие, предлагая поддержку и взаимопомощь, но и может нести пропагандистские дискурсы и повышать осведомленность о смерти.

4. Кибертанатология: дальнейшие направления исследований.

4.1. За гранью смерти: новые вызовы кибертанатологии. Что касается кибертанатологии, то эволю-

цию социотехнического контекста следует рассматривать в свете трех аспектов: демографического (в частности, старения населения), социального (роста использования и приемлемости технологий) и технологического (роста преобладания цифровых пространств в человеческой коммуникации). Поскольку опосредованные технологиями преобразования в обществе идут ускоренными темпами, в ближайшие годы непрерывная эволюция процесса цифровизации опыта смерти будет приобретать все большую актуальность. Поэтому определение будущих тенденций и направлений исследований в области кибертанатологии — от фундаментальных до интервенционных³ — имеет решающее значение.

Революционное изменение как содержания, так и характера диалога о смерти и по вопросам смерти приводит к появлению новых популяционных проблем, которые необходимо исследовать. Социальные сети и повсеместное присутствие смартфонов открывают уникальные возможности распространения информации среди граждан по всему миру, радикально отличные от любых технологий, существовавших ранее. Известно, что символические смерти могут вызвать революции (например, смерть Мохамеда Буазизи в 2011 г., транслировавшаяся в социальных сетях и вызвавшая радикальные события в Северной Африке, получившие название 'Арабской Весны'), а недавние события показали, как при столкновении смерти и социальных сетей могут возникнуть международные движения в защиту общества (например, беспорядки в США после смерти Джорджа Флойда). Распространение видеороликов с изображением умирающих людей с помощью смартфонов и социальных сетей влечет за собой этические проблемы, связанные с публичным распространением эмоционально заряженного контента и неприкосновенностью частной жизни соответствующих лиц [66]. Поэтому следует учитывать этические последствия распространения по всему миру в прямом эфире видеозаписей реальной смерти от удущья на смартфонах. Действительно, социальная ответственность за благополучие других людей, связанная с публичным выражением скорби, воспоминаний и личных переживаний [35], порождает множество проблем, которые необходимо решить, а для ряда из них еще и найти им правильное определение. Кроме того, учитывая старение населения, разумно предположить, что ресурсы медицинских работников в какой-то момент окажутся ограниченными — пандемия COVID-19 дала нам представление об такого рода грядущей реальности. По этим причинам люди будут все чаще обращаться к онлайн-информации о смерти, цифровой поддержке и цифровой памяти, чтобы удовлетворить свои потребности. Следовательно, в ближайшие годы кибертанатологические пространства могут оказаться переполненными. Поэтому важно учитывать риск размывания идентичности человека в киберпространстве после смерти, чтобы избежать создания новых форм оцифрованных братских могил.

По мере того, как в социальных системах растет использование и приемлемость технологий, цифровизация смерти и связанных с ней ритуалов будет иметь важные последствия. В связи с перемещением ритуалов смерти, информационной поддержки и услуг, связанных со смертью, из физического пространства в киберпространство, правительствам, системам здравоохранения и похо-

ронным компаниям придется учитывать этот растущий вес технологий в своей повседневной деятельности. Пандемия COVID-19 только ускорила это движение и продемонстрировала важность онлайн-пространства в том, как люди обсуждают вопросы смерти. Во-первых, образ похоронной индустрии, вероятно, будет меняться, поскольку онлайн-сервисы трансформируют традиции [2, 52] и в какой-то момент могут изменить саму индустрию. Действительно, некоторые немногочисленные медиа-инновации предоставляют клиенту больше автономии, и роль похоронного бюро может утратить прежнее значение, как это происходит, например, при разработке программного обеспечения, заменяющего похоронных агентов, или инструментов планирования в формате 'сделай сам' [52]. Во-вторых, молодые поколения будут накапливать данные в течение более длительного периода своей жизни. Поскольку цифровое наследие становится все более распространенным, вопросы кибербезопасности выйдут на первый план, а организация больших коллекций цифрового имущества умерших станет сложной задачей [27]. Хотя сфера управления посмертным цифровым наследием размыта в случаях, когда речь идет о семейном и межличностном уровне, некоторые компании, работающие в сфере цифровых медиа, придерживаются протоколов для решения этих вопросов. Некоторые веб-сайты также предлагают услуги по планированию киберсмерти для управления своим цифровым наследием и процессом наследования [39]. Следует отметить, что социальная приемлемость таких практик должна обсуждаться и, скорее всего, станет ядром жарких общественных споров. Несмотря на то, что правительствам отводится роль в распространении информации об административно-правовых вопросах [8, 27], меняющаяся реальность потребует принятия законодательства о цифровых останках, и эти новые законы должны быть основаны на исследованиях в области кибертанатологии. Существует острая потребность в эмпирических исследованиях того, как социальные нормы, связанные со смертью, скорбью и умиранием, трансформируются в результате интеграции социальных медиа в повседневную жизнь. Поэтому исследования в области кибертанатологии должны продолжать документировать распространность и влияние цифровых медиа на социальные тенденции и социальные системы и, не ограничиваясь этим, обеспечивать концептуальные рамки для понимания того, как происходят эти изменения.

Несмотря на то, что эти тенденции существуют уже несколько десятилетий, технологическая эволюция достигает новых высот, а это значит, то, что раньше воспринималось как научная фантастика, уже близко. Искусственный интеллект (ИИ) у нас на пороге. Некоторые компании добились успехов в этой области, хотя результаты были отчасти сглажены очень странным ощущением, вызываемым цифровыми клонами или аватарами [2]. Многие считают, что киберпространство обладает потенциалом для достижения бессмертия, предоставляя вечное пространство для мертвых [41], но в этой связи возникают вопросы относительно фактического 'пространства', доступного для конкретного человека в киберпространстве. С теоретически неограниченным виртуальным пространством выражение индивидуальности после смерти не должно вторгаться в живое пространство. Тем не менее одна из самых больших проблем, с которой придется столкнуться кибертанатологии, — это воз-

можность того, что киберпространство в какой-то момент достигнет своего предела в плане хранения информации. Что станет с умершим, если виртуальное пространство окажется ограниченным? Это подводит нас к вопросу о цифровом неравенстве в связанных со смертью контекстах, который мы рассмотрим в следующем разделе.

4.2. Цифровое неравенство за гранью цифровой смерти. Может показаться, что встраивание связанных со смертью явлений в технологии демократизирует опыт смерти и способствует его независимости от традиционных структур. Однако цифровое неравенство может свидетельствовать об обратном [9]. Хотя и были зафиксированы некоторые преимущества онлайн-поддержки, цифрового поминовения и технологий ухода за больными в конце жизни [27, 50], цифровое неравенство подразумевает, что не все получают одинаковую пользу от этого или даже смогут получить к этому доступ [9, 30]. Например, для проведения или участия в поминальной или похоронной службе через платформу, не предназначенную для этого (например, платформу для онлайн-игр), необходимо обладать довольно высоким уровнем цифровой грамотности. Кроме того, удовлетворение от участия в ритуалах зависит от того, какое значение придается самим этим ритуалам, ведь они играют символическую роль. Следовательно, цифровое неравенство имеет и экзистенциальное измерение. Учитывая тот факт, что новые технологии играют важную роль в том, как смерть и скорбь понимаются в обществе, цифровое неравенство также подразумевает и неравную представленность альтернативных репрезентаций смерти и скорби посредством мемориалов, блогов, информационных сайтов и виртуальных сообществ, в отличие от того, что транслируется через новостные СМИ и медицинские учреждения. Таким образом, люди с менее развитыми цифровыми навыками в меньшей степени сталкиваются с более демократизированными формами репрезентации смерти, мемориализации и скорби и вполне могут быть сбиты с толку ненадежными ресурсами. Хотя исключение из цифровых ритуалов и поддержки кажется довольно очевидным последствием, цифровое неравенство может также ограничивать способность понимать гибридизацию социальной динамики, оказывающей формирующее влияние на социальные нормы, действующие в киберпространстве, что в свою очередь влияет на способность людей участвовать в ритуалах социально и культурно приемлемым образом.

Цифровое неравенство влияет не только на использование технологий людьми при их встрече со смертью, но и сохраняется после смерти, оказывая дальнейшее влияние на цифровое наследие умершего. Во-первых, хотя онлайн-мемориалы не отражают неравенство социального статуса в том же масштабе, что и надгробия, дифференцированное использование возможностей веб-мемориалов и число сообщений на веб-мемориалах умерших являются индикаторами цифрового неравенства в мире социальных сетей или ослабляют анонимность социальной жизни покойного. В любом случае это повлияет на социальную идентичность умершего, так как она во многом зависит от онлайн-действий и взаимодействий скорбящих [35]. Во-вторых, поскольку цифровая идентичность сохраняется в сети и после смерти, цифровое неравенство будет оказывать влияние на управление цифровым наследием, что повлечет за собой раз-

личные проблемы кибербезопасности. Несмотря на то, что существует определенное законодательство, защищающее персональные данные от коммерческого использования, в случае с личными данными умерших границы размыты. При рассмотрении юридических вопросов и подготовке к цифровому наследованию необходимо учитывать цифровое неравенство.

Данные о социальных факторах, связанных с цифровым поминовением, скудны, хотя некоторые исследования показывают, что доля участия может быть выше среди женщин и молодых взрослых [5, 24, 41]. Поскольку цифровое неравенство встроено в более широкий макросоциальный контекст, где подобные факторы влияют на индивидуальный доступ и цифровую грамотность [9, 67], исключенные из цифрового пространства люди, по-видимому, подвергаются еще большему риску оказаться обделенными вниманием или подвергнуться стигматизации в цифровых контекстах смерти и скорби. В настоящее время существует острая потребность в эмпирических исследованиях, документирующих новую социальную динамику и цифровое неравенство, в которое она неизбежно встраивается. В частности, речь идет о подробных эпидемиологических портретах участия в цифровых ритуалах поминовения, а также цифровых похоронных услуг и цифровых медицинских услуг.

Хотя киберпространство, казалось бы, демократизирует смерть, скорбь и траур, цифровое неравенство может препятствовать освободительному потенциалу, которым должно обладать цифровое поминовение. Действительно, цифровое неравенство, как правило, не только воспроизводит, но и усиливает традиционное социально-экономическое неравенство [9]. Таким образом, существует — и этот момент нельзя не акцентировать — риск воспроизведения циклов цифрового отчуждения, понижающих индивидуальность в ритуалах поминовения в пользу наиболее социально благополучных слоев населения. Учитывая, что виртуальные возможности вторгаются в процесс умирания, как мы можем предотвратить неравенство в сфере смерти, обусловленное цифровым неравенством? Поскольку проявления смерти не только поддерживаются, но и ограничиваются техническими возможностями платформ и социальными взаимодействиями в сети [2, 25], онлайн-мемориалы развиваются в соответствии с социальными тенденциями, влияющими как на популярность платформ, так и на их конкретное использование, что приводит к изменениям и обновлениям возможностей платформ для удовлетворения потребностей и запросов пользователей, — при этом важно понимать, что пользователи с самым высоким социально-экономическим статусом и самой высокой цифровой грамотностью с наибольшей вероятностью могут повлиять на эти изменения.

4.3. Обсуждение эволюции танатологии в эпоху развития технологий. Этика уже несколько раз упоминалась в этом тексте. Тем не менее понятие этики является основополагающим аспектом кибертанатологии, начиная с теоретических рассуждений и заканчивая практическими исследованиями. По словам Омана и Флориды, «точно так же, как человеческий труп, наши цифровые останки имеют право на достойное обращение» [53]. Для исследований в области кибертанатологии этические проблемы возникают не только по причине самой тематики, но и в связи с методологическими аспек-

тами. Помимо чисто юридических соображений, исследователи всегда должны оценивать, как используются данные умерших людей, в частности, с точки зрения неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности. Поэтому этические соображения должны лежать в основе будущих исследований в этой области, независимо от того, будут ли они проводиться в целях общественного развития (например, изучение репрезентаций смерти в новых медиа) или в интересах здоровья населения (например, использование персональных медицинских данных умерших людей). Отображение феномена смерти в онлайн-пространстве должно быть тщательно изучено в свете тех общественных, социальных и этических трансформационных последствий, которые оно вызывает. Слияние вопросов здоровья и потенциальных экономических интересов всегда приводит к этическим вопросам, особенно в отношении уязвимых групп населения. Это особенно актуально для исследований в области кибертанатологии. Ученые, проводящие исследования в этой области, должны всегда тщательно учитывать влияние своей работы на социальное неравенство в сфере здравоохранения. Цифровая идентичность становится объектом все большего числа исследований, однако еще больше исследование требуется провести по вопросам, связанным с цифровой идентичностью умерших людей.

В отношении цифрового наследия возникают этические вопросы, связанные с прозрачностью, особенно учитывая тот факт, что большинство пользователей, родственников умерших пользователей или людей, назначенных для исполнения воли покойного, не всегда осведомлены о политике различных платформ в отношении управления учетными записями умерших [39]. Несмотря на растущее признание необходимости явной защиты данных умерших, жаркие споры между европейскими странами о том, должны ли законы о защите данных применяться к умершим людям, свидетельствуют, что обязывающее соглашение о характере и защите данных умерших будет достигнуто не скоро [40]. Хотя беспокойство пользователей по поводу управления их цифровым наследием после смерти еще не получила широкого распространения [39], тем не менее курирование цифрового наследия умерших в ближайшем будущем станет общей проблемой общества [39]. Исследователям, работающим с данными умерших, приходится сталкиваться с теми же этическими ограничениями, что и тем, кто занимается онлайн-исследованиями в области здравоохранения [68, 69], а также с рядом дополнительных ограничений, характерных для этого типа 'населения' [70]. Например, даже если человек мертв, важно обеспечить конфиденциальность, поскольку разглашение личности может повлиять на оставшихся в живых [40].

Парадигма образования в области смерти должна быть переосмыслена в пользу так называемого подхода 'общества, грамотного в вопросах скорби' [71], предполагающего, что знания, навыки и ценности, связанные со скорбью, не предназначены только для медицинских работников, обычно реагирующих на острое чувство скорби на индивидуальном уровне, а скорее охватывают все уровни социальной системы, включая компании, правительства и, прежде всего, самих граждан. Очевидно, что в цифровом обществе технологии будут играть решающую роль в достижении этого сдвига, поскольку они встраиваются в социальный контекст, влия-

ющий на переживание скорби и траура. Это также может придать дополнительный вес голосу граждан в ситуациях, связанных со смертью.

Учитывая современные темпы технологического прогресса, можно с уверенностью предположить, что грядущие технологические разработки будут и дальше способствовать эволюции социокультурных практик смерти. С концептуальной точки зрения это имеет серьезные последствия для танатологии как академической дисциплины. Действительно, с этого момента и в дальнейшем будет очень трудно (если не невозможно) отделить изучение танатологии от ее 'кибер' компонентов. Ведь, если смерть встроена в институты, то же самое можно сказать и о новых технологиях, — они встроены в одни и те же системы. И хотя мы могли бы опасаться, что это приведет к сегрегации между исследованиями, посвященными до-Интернет и пост-Интернет эпохам, в действительности можно утверждать, что даже исследования смерти, основанные на материалах до-Интернет эпохи (например, изучение кладбищ или некрологов), должны — и они только выиграют от этого — включать в себя технологическое измерение, будь то использование технологических инструментов для сбора данных или проведение сравнительного анализа с онлайн-материалами. Поэтому кибертанатологию следует рассматривать не как хиазм, а как эволюцию этой области — неизбежную, необходимую и потенциально полезную.

Определение будущего исследований смерти потребует междисциплинарных дискуссий между теми, кто вовлечен в эту академическую область, и учеными, работающими в других академических областях, которые окажутся затронуты технологически расширенной и открытой для диалога областью исследований смерти. По мере старения населения и преобладания киберпространства в самом ближайшем будущем возникнет острая необходимость в том, чтобы изучающие смерть ученые, а также профессионалы в сфере вопросов смерти включили в свою начальную теоретическую подготовку и непрерывное образование очень сильный компонент киберпсихологии, включающий в себя, в частности, основы виртуальной антропологии наряду с уже преподаваемыми традиционными антропологическими компонентами исследований смерти. Этого можно достичь только путем согласованного кросс- и междисциплинарного диалога. В какой-то момент такое обучение реальности населенных людьми цифровых пространств должно будет распространиться и на специалистов в области здравоохранения, от студентов-медиков и медсестер до социальных работников, а также на работников всех социальных структур, от правительственных учреждений до систем здравоохранения. Аналогичным образом ученые-киберпсихологи должны признать не только в своих исследованиях, но и при формировании нового поколения киберпсихологов, обширность и полноту жизненного опыта в сети — опыта, который включает в себя смерть и другие тесно связанные с ней аспекты.

5. Заключение. Как и во многих других областях, изучение смерти уже невозможно в прежнем привычном нам виде. До наступления цифровой эпохи наши отношения со смертью в основном происходили через информационные векторы (от надгробий и некрологов до похоронной индустрии). В отличие от этого, сейчас мы живем в мире, который характеризуется интерактивностью средств коммуникации. Причем интерактив-

ность эта распространяется не только на живых, но, как мы показали в этом тексте, и на мертвых. Сегодня практически невозможно рассматривать исследование смерти, не принимая во внимание ее технологическое измерение. С этой точки зрения, нам необходима кардинальная смена парадигмы, меняющая наше представление о том, что киберпространство — это просто комбинация цифровых медиа, и, как следствие, то, что происходит сейчас, есть лишь просто переход от традиционных медиа к новым. На самом деле оцифрованные пространства, образующие киберпространство, — это новые пространства жизни, поддерживаемые технологиями.

Влияние новых технологий многие считают разрушительным, причем во многих областях. Концепция кибертанатологии, предложенная в данной статье, представляет собой шаг к осуществлению необходимой нам смены парадигмы и консолидации всех заинтересованных в этом участников — от исследователей и профессионалов до простых граждан. Термин 'кибертанатология' и определение, которое для этого термина мы предлагаем, должны быть более устойчивыми к различным временным изменениям и технологической эволюции, обеспечивая основу для более глобального понимания социокультурного контекста, связанного с переживанием и восприятием смерти, траура и скорби в XXI веке. Концепция кибертанатологии, вероятно, будет стимулировать разработку новых теорий и моделей для понимания и объяснения роли новых технологий в процессе скорби и формировании культурных норм, связанных со смертью и скорбью, а также для поиска новых идей и решения возникающих вопросов. Кибертанатология для исследований смерти — это не враг, а новая реальность, с которой приходится иметь дело. Для изучения киберповедения кибертанатология — это способ вернуть киберпсихологию в более широкий социокультурный контекст и учесть изменения этого контекста под влиянием Интернета.

Разработка концепции кибертанатологии также должна восприниматься как призыв к действию для исследователей, занимающихся киберпсихологией и изучением Интернета, с одной стороны, и тех, кто занимается изучением смерти, с другой, — рассмотреть широкий спектр взаимодействий, которые происходят в среде новых коммуникационных технологий, и область пересечения понятий, лежащих в основе этих дисциплин. Кибертанатология — это операциональная концепция, имеющая общественное значение. Помимо теоретического вклада, исследования в области кибертанатологии должны генерировать практические знания, которые помогут людям справиться со смертью и скорбью в современную технологическую эпоху. Вопрос о том, как воспринимается смерть, является центральным во взаимодействии людей. В определенной степени ответ именно на этот вопрос определяет то, чем является цивилизация, в которой мы живем. Цифровой опыт, связанный со смертью, более не является маргинальным, что говорит о трансформации социокультурных норм, связанных со смертью и скорбью. В ближайшие годы этот феномен, вероятно, станет еще более заметным, поскольку использование технологий демонстрирует рост во всем мире. Однако, поскольку не все люди в одинаковой мере затронуты артикуляцией в киберпространстве связанных со смертью явлений, любая тема, вопрос или мышление в области кибертанатологии должны

учитывать цифровое неравенство. Исследователям нужно вести работу над ростом осведомленности, чтобы исключенные из цифрового пространства люди не оказались 'на обочине' глобальной цифровой среды скорби.

Благодарности

Элизабет Бонойер является стипендиатом Vanier Canada Graduate Scholarship.

Примечания переводчика

¹ Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

² Слэнговым словом 'луркер' (lurker) принято называть таких пользователей социальных сетей, которые, состоя в некотором сообществе, только наблюдают за его деятельностью и участниками (читают новости сообщества, иногда даже делают репосты, но не вносят никакого вклада в контент и развитие сообщества).

³ 'Интервенционные исследования' — термин медицинской науки. В отличие от наблюдательных исследований, с их помощью проверяют (или испытывают) последствия определенного медицинского вмешательства (экспериментального лекарства, медицинского устройства или процедуры) на людях. Подобного рода исследования также часто называют клиническими испытаниями.

Список источников

1. Walter T. Communication Media and the Dead: From the Stone Age to Facebook¹ // *Mortality*. 2015. Vol. 20, № 3. P. 215–232. DOI: 10.1080/13576275.2014.993598.
2. Arnold M., Gibbs M., Kohn T. [et al.]. *Death and Digital Media*. New York: Routledge, 2018. 188 p. ISBN 978-1-138-91795-8.
3. Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading: Addison-Wesley, 1993. 304 p. ISBN 0-201-60870-7.
4. Wellman B., Gulia M. *Virtual Communities as Communities // Communities in Cyberspace* / Eds. P. Kollock, M. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 167–193.
5. Roberts P., Vidal L. A. *Perpetual Care in Cyberspace: A Portrait of Memorials on the Web* // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2000. Vol. 40, № 4. P. 521–545. DOI: 10.2190/3BPT-UYJR-192R-U969.
6. Roberts P. *Here Today and Cyberspace Tomorrow: Memorials and Bereavement Support on the Web* // *Generations: Journal of the American Society on Aging*. 2004. Vol. 28, № 2. P. 41–46.
7. Sofka C. J. *Social Support 'Internetworks' Caskets for Sale, and More: Thanatology and the Information Superhighway* // *Death Studies*. 1997. Vol. 21, № 6. P. 553–574. DOI: 10.1080/074811897201778.
8. Beaunoyer E., Hiracheta Torres L., Maessen L., Guitton M. J. *Grieving in the Digital Era: Mapping Online Support for Grief and Bereavement* // *Patient Education and Counseling*. 2020. Vol. 103, № 12. P. 2515–2524. DOI: 10.1016/j.pec.2020.06.013.
9. Beaunoyer E., Dupere S., Guitton M. J. *COVID-19 and Digital Inequalities: Reciprocal Impacts and Mitigation Strategies* // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 111. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106424.
10. Amy T., Doka K. *A Call to Action: Facing the Shadow Pandemic of Complicated Forms of Grief* // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2021. Vol. 83, № 1. P. 164–169. DOI: 10.1177/0030222821998464.
11. Nguyen M. H., Gruber J., Fuchs J., Marler W., Hunsaker A., Hargittai E. *Changes in Digital Communication During the COVID-19 Global Pandemic: Implications for Digital Inequality*

and Future Research // *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6, № 3. P. 1–6. DOI: 10.1177/2056305120948255.

12. Nguyen M. H., Hargittai E., Marler W. *Digital Inequality in Communication During a Time of Physical Distancing: The Case of COVID-19* // *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 120. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.chb.2021.106717.

13. Guitton M. J. *The Immersive Impact of Meta-Media in a Virtual World* // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28, № 2. P. 450–455. DOI: 10.1016/j.chb.2011.10.016.

14. Guitton M. J. *Living in the Hutt Space: Immersive Process in the Star Wars Role-Play Community of Second Life* // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28, № 5. P. 1681–1691. DOI: 10.1016/j.chb.2012.04.006.

15. Guitton M. J. *Swimming with Mermaids: Communication and Social Density in the Second Life Merfolk Community* // *Computers in Human Behavior*. 2015. Vol. 48. P. 226–235. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.004.

16. Saramaki J., Leicht E. A., Lopez E., Roberts S. G. B., Reed-Tsochas F., Dunbar R. I. M. *Persistence of Social Signatures in Human Communication* // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2014. Vol. 111, № 3. P. 942–947. DOI: 10.1073/pnas.1308540110.

17. McLuhan M. *Understanding Media: The Extension of Man*. London: Routledge, 1964. 318 p. ISBN 978-0451627650.

18. German K., Drushel B. E. *Introduction: Emerging Media: A View Downstream* // *The Ethics of Emerging Media: Information, Social Norms, and New Media Technology* / Eds. B. E. Drushel, K. German. New York: The Continuum International Publishing Group, 2011. P. 1–9.

19. Carroll B., Landry K. *Logging On and Letting Out: Using Online Social Networks to Grieve and to Mourn* // *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2010. Vol. 30, № 5. P. 341–349. DOI: 10.1177/0270467610380006.

20. Barry E. *From Epitaph to Obituary Death and Celebrity in Eighteenth-Century British Culture* // *International Journal of Cultural Studies*. 2008. Vol. 11, № 3. P. 259–275. DOI: 10.1177/1367877908092584.

21. Walter T., Littlewood J., Pickering M. *Death in the News: The Public Investigation of Private Emotion* // *Sociology*. 1995. Vol. 29, № 4. P. 579–596. DOI: 10.1177/0038038595029004002.

22. Clark D. B. *The Concept of Community: A Re-Examination* // *The Sociological Review*. 1973. Vol. 21, № 3. P. 397–416. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1973.tb00230.x.

23. Hutchings T. *Wiring Death: Dying, Grieving and Remembering on the Internet* // *Emotion, Identity and Death: Mortality Across Disciplines* / Eds. D. Davies, C.-W. Park. New York: Routledge, 2012. P. 43–58.

24. De Vries B., Rutherford J. *Memorializing Loved Ones on the World Wide Web* // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2004. Vol. 49, № 1. P. 5–26. DOI: 10.2190/DR46-RU57-UY6P-NEWM.

25. Gibson M. *Death and Mourning in Technologically Mediated Culture* // *Health Sociology Review*. 2007. Vol. 16, № 5. P. 415–424. DOI: 10.5172/hesr.2007.16.5.415.

26. Walter T., Hourizi R., Moncur W., Pitsillides S. *Does the Internet Change How We Die and Mourn? Overview and Analysis* // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2012. Vol. 64, № 4. P. 275–302. DOI: 10.2190/OM.64.4.a.

27. Sas C., Schreiter M., Büscher M., Gamba F., Coman A. *Futures of Digital Death: Past, Present and Charting Emerging Research Agenda* // *Death Studies*. 2019. Vol. 43, № 7. P. 407–413. DOI: 10.1080/07481187.2019.1647643.

28. Sofka C. J., Cupit I. N., Gilbert K. R. *Preface* // *Dying, Death and Grief in an Online Universe: For Counselors and Educators* / Eds. C. J. Sofka, I. N. Cupit, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. xv–xvi.

29. Chapple H. S., Bouton B. L., Chow A. Y. M., Gilbert K. R., Kosminsky P., Moore J., Whiting P. P. *The Body of Knowledge in Thanatology: An Outline* // *Death Studies*. 2017. Vol. 41, № 2. P. 118–125. DOI: 10.1080/07481187.2016.1231000.

30. Baum F., Newman L., Biedrzycki K. Vicious Cycles: Digital Technologies and Determinants of Health in Australia // *Health Promotion International*. 2014. Vol. 29, № 2. P. 349–360. DOI: 10.1093/heapro/das062.
31. Obst K. L., Due C., Oxlad M., Middleton P. Men's Grief Following Pregnancy Loss and Neonatal Loss: A Systematic Review and Emerging Theoretical Model // *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2020. Vol. 20, № 1. P. 1–17. DOI: 10.1186/s12884-019-2677-9.
32. Ward K. The Emergence of the Hybrid Community: Re-Thinking the Physical/ Virtual Dichotomy // *Space and Culture*. 1999. Vol. 2. № 4/5. P. 71–86. DOI: 10.1177/120633120000100405.
33. Gibson M. Grievable Lives: Avatars, Memorials, and Family 'Plots' in Second Life // *Mortality*. 2017. Vol. 22, № 3. P. 224–239. DOI: 10.1080/13576275.2016.1263941.
34. Park S., Hoffner C. A. Tweeting about Mental Health to Honor Carrie Fisher: How #InHonorOfCarrie Reinforced the Social Influence of Celebrity Advocacy // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 110. P. 1–11. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106353.
35. Bell J., Bailey L., Kennedy D. 'We do it to keep him alive': Bereaved Individuals' Experiences of Online Suicide Memorials and Continuing Bonds // *Mortality*. 2015. Vol. 20, № 4. P. 375–389. DOI: 10.1080/13576275.2015.1083693.
36. Brubaker J. R., Hayes G. R., Dourish P. Beyond the Grave: Facebook¹ as a Site for the Expansion of Death and Mourning // *The Information Society*. 2013. Vol. 29, № 3. P. 152–163. DOI: 10.1080/01972243.2013.777300.
37. Gamba F. Coping with Loss: Mapping Digital Rituals for the Expression of Grief // *Health Communication*. 2018. Vol. 33, № 1. P. 78–84. DOI: 10.1080/10410236.2016.1242038.
38. Bassett D. J. Who Wants to Live Forever? Living, Dying and Grieving in Our Digital Society // *Social Sciences*. 2015. Vol. 4, № 4. P. 1127–1139. DOI: 10.3390/socsci4041127.
39. Cerrillo-i-Martinez A. How Do We Provide the Digital Footprint with Eternal Rest? Some Criteria for Legislation Regulating Digital Wills // *Computer Law & Security Report*. 2018. Vol. 34, № 5. P. 1119–1130. DOI: 10.1016/j.clsr.2018.04.008.
40. Erdos D. Dead Ringers? Legal Persons and the Deceased in European Data Protection Law // *Computer Law & Security Report*. 2021. Vol. 40. P. 1–21. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105495.
41. Irwin M. D. Mourning 2.0 — Continuing Bonds Between the Living and the Dead on Facebook¹ // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2015. Vol. 72, № 2. P. 119–150. DOI: 10.1177/0030222815574830.
42. DeGroot J. M. 'For Whom the Bell Tolls': Emotional Rubbernecking in Facebook¹ Memorial Groups // *Death Studies*. 2014. Vol. 38, № 2. P. 79–84. DOI: 10.1080/07481187.2012.725450.
43. Knudsen B. T., Stage C. Online War Memorials: YouTube as a Democratic Space of Commemoration Exemplified Through Video Tributes to Fallen Danish Soldiers // *Memory Studies*. 2013. Vol. 6, № 4. P. 418–436. DOI: 10.1177/1750698012458309.
44. Cohen E. L., Hoffner C. Finding Meaning in a Celebrity's Death: The Relationship Between Parasocial Attachment, Grief, and Sharing Educational Health Information Related to Robin Williams on Social Network Sites // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 65. P. 643–650. DOI: 10.1016/j.chb.2016.06.042.
45. Hoe-Lian Goh D., Sian Lee C. An Analysis of Tweets in Response to the Death of Michael Jackson // *ASLIB Proceedings: New Information Perspectives*. 2011. Vol. 63, № 5. P. 432–444. DOI: 10.1108/00012531111164941.
46. Beauoyer E., Guitton M. J. When Popular Culture Phenomena Provide Experimental Grounds for Science: The Example of Death's Perception, Bereavement and Mourning // *Journal of Science & Popular Culture*. 2018. Vol. 1, № 2. P. 171–175. DOI: 10.1386/jspc.1.2.171_3.
47. Daniel E. S., Westerman D. K. *Valar Morghulis* (All Parasocial Men Must Die): Having Nonfictional Responses to a Fictional Character // *Communication Research Reports*. 2017. Vol. 34, № 2. P. 143–152. DOI: 10.1080/08824096.2017.1285757.
48. Gamba F. Faire le deuil par l'image: Les idiographies rituelles de commémoration sur YouTube // *Revue des sciences sociales*. 2015. № 54. P. 72–79. DOI: 10.4000/revs.2311.
49. Maddrell A. Online Memorials: The Virtual as the New Vernacular // *Bereavement Care*. 2012. Vol. 31, № 2. P. 46–54. DOI: 10.1080/02682621.2012.710491.
50. Robinson C., Pond D. R. Do Online Support Groups for Grief Benefit the Bereaved? Systematic Review of the Quantitative and Qualitative Literature // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 100. P. 48–59. DOI: 10.1016/j.chb.2019.06.011.
51. Marwick A., Ellison N. B. 'There Isn't Wifi in Heaven!' Negotiating Visibility on Facebook¹ Memorial Pages // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2012. Vol. 56, № 3. P. 378–400. DOI: 10.1080/08838151.2012.705197.
52. Nansen B., Kohn T., Arnold M., Van Ryn L., Gibbs M. Social Media in the Funeral Industry: On the Digitization of Grief // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2017. Vol. 61, № 1. P. 73–89. DOI: 10.1080/08838151.2016.1273925.
53. Öhman C., Floridi L. The Political Economy of Death in the Age of Information: A Critical Approach to the Digital Afterlife Industry // *Minds and Machines*. 2017. Vol. 27, № 4. P. 639–662. DOI: 10.1007/s11023-017-9445-2.
54. Field D. Palliative Medicine and the Medicalization of Death // *European Journal of Cancer Care*. 1994. Vol. 3, № 2. P. 58–62. DOI: 10.1111/j.1365-2354.1994.tb00014.x.
55. Northcott H. C., Wilson D. M. *Dying and Death in Canada*. Ontario: University of Toronto Press, 2017. 336 p. ISBN 978-1442634565.
56. Moore J. Being There: Technology at the End of Life // *Dying, Death and Grief in an Online Universe* / Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 78–87.
57. Neimeyer R. A., Noppe-Brandon G. Attachment at Distance: Grief Therapy in the Virtual World // *Dying, Death and Grief in an Online Universe* / Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 103–118.
58. Li J., Chen S. A New Model of Social Support in Bereavement (SSB): An Empirical Investigation with a Chinese Sample // *Death Studies*. 2016. Vol. 40, № 4. P. 223–228. DOI: 10.1080/07481187.2015.1127296.
59. Aoun S. M., Breen L. J., Howling D. A., Rumbold B., McNamara B., Hegney D. Who Needs Bereavement Support? A Population Based Survey of Bereavement Risk and Support Need // *PLoS One*. 2015. Vol. 10, № 3. P. 1–14. DOI: 10.1371/journal.pone.0121101.
60. Noppe I. N., Sofka C. J., Gilbert K. R. *Death Education* // *Dying, Death and Grief in an Online Universe* // Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 163–182.
61. Bryant M. Grieving with Buffy 20 Years On // *British Journal of General Practice*. 2017. Vol. 67, № 658. 222. DOI: 10.3399/bjgp17X690701.
62. Myrick J. G., Noar S. M., Willoughby J. F., Brown J. Public Reaction to the Death of Steve Jobs: Implications for Cancer Communication // *Journal of Health Communication*. 2014. Vol. 19, № 11. P. 1278–1295. DOI: 10.1080/10810730.2013.872729.
63. Brown W. J., Basil M. D., Bocarnea M. C. Social Influence of an International Celebrity: Responses to the Death of Princess Diana // *Journal of Communication*. 2003. Vol. 53, № 4. P. 587–605. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2003.tb02912.x.
64. Mundt M., Ross K., Burnett C. M. Scaling Social Movements Through Social Media: The Case of Black Lives Matter // *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4, № 4. DOI: 10.1177/2056305118807911.
65. Kates S., Terechshenko Z., Linder F., Nagler J., Bonneau R., Vakilifathi M., Tucker J. A. Online Issue Politicization: How the Common Core and Black Lives Matter Discussions Evolved on Social Media // *Center for Social Media and Politics*. 2020. URL: https://csmmapnyu.org/assets/publications/2020_09_04_CC_BLM_Evolved.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
66. Cumiskey K. M., Hjorth L. 'I Wish They Could Have Answered Their Phones': Mobile Communication in Mass

Shootings // *Death Studies*. 2019. Vol. 43, № 7. P. 414–425. DOI: 10.1080/07481187.2018.1541940.

67. Robinson L., Cotten S. R., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., Schulz J., Hale T. M., Stern M. J. Digital Inequalities and Why They Matter // *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18, № 5. P. 569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532.

68. Whitehead L. C. Methodological and Ethical Issues in Internet-Mediated Research in the Field of Health: An Integrated Review of the Literature // *Social Science & Medicine*. 2007. Vol. 65, № 4. P. 782–791. DOI: 10.1016/j.socscimed.2007.03.005.

69. Moreno M. A., Goniú N., Moreno P. S., Diekema D. Ethics of Social Media Research: Common Concerns and Practical Considerations // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2013. Vol. 16, № 9. P. 708–713. DOI: 10.1089/cyber.2012.0334.

70. Tasse A. M. The Return of Results of Deceased Research Participants // *Journal of Law Medicine & Ethics*. 2011. Vol. 39, № 4. P. 621–630. DOI: 10.1111/j.1748-720X.2011.00629.x.

71. Breen L. J., Kawashima D., Joy K., Cadell S., Roth D., Chow A., Macdonald M. E. Grief Literacy: A Call to Action for Compassionate Communities // *Death Studies*. 2022. Vol. 46, № 2. DOI: 10.1080/07481187.2020.1739780.

Сведения о переводчике

АНТИПОВ Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора гумани-

тарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, г. Москва.

SPIN-код: 7782-1854

Адрес для переписки: nelson02@yandex.ru

Источник перевода: Beaunoyer E., Guitton M. J. Cyberthanatology: Death and Beyond in the Digital Age // *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 122. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.chb.2021.106849.

Ссылка на полный текст статьи:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563221001722>

Для цитирования

Бонойер Э., Гиттон М. Киббертанатология: за пределами смерти в цифровую эпоху = Beaunoyer E., Guitton M. J. Cyberthanatology: Death and beyond in the digital age / пер. с англ. А. В. Антипова // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2025. Т. 10, № 1. С. 80–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-80-94. EDN: ХОГСОВ.

Статья поступила в редакцию 24.10.2024 г.

© А. В. Антипов

Université Laval, Quebec City,
QC, Canada

Translated from English
A. V. ANTIPOV

Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

CYBERTHANATOLOGY: DEATH AND BEYOND IN THE DIGITAL AGE

The preponderance of technology and digital connectedness has revolutionized every aspect of humans' social life, including death. Digital technologies are reshaping how the interactions between the living and the dead are negotiated. Indeed, emerging technologies are not only embedded in end-of-life, death, and grief experiences, they are also changing the global context in which these phenomena take place. Although interactions between death-related phenomena and technologies are not new, the ubiquitous presence of digitalized spaces drastically increased the salience and the magnitude of these interactions. To further and structure the understanding of these interactions, we introduce the concept of cyberthanatology as the articulation of death and all related phenomena with and within the digital space. In the light of this framing concept, this paper explores the topology of online death-related behaviors and phenomena, reviews the current state of knowledge on the online representation of death and grief, and identifies the challenges that will have to be faced in the future in order to optimally integrate the understanding of death-related phenomena in the larger field of cyberpsychology. By promoting and nurturing the dialog between the fields of cyberpsychology and death studies, cyberthanatology research will not only result in theoretical advances but also contribute to generate practical knowledge to help people deal with death and grief in the modern technological age.

Keywords: cyberthanatology, digital commemoration, grief, mourning, presence thanatology.

Acknowledgements

Elisabeth Beaunoyer is supported by a Vanier Canada Graduate Scholarship.

References

1. Walter T. Communication media and the dead: From the Stone Age to Facebook¹. *Mortality*. 2015. Vol. 20, no. 3. P. 215–232. DOI: 10.1080/13576275.2014.993598. (In Engl.).
2. Arnold M., Gibbs M., Kohn T., Meese J., Nansen B. *Death and digital media*. New York: Routledge, 2018. 188 p. ISBN 978-1-138-91795-8. (In Engl.).
3. Rheingold H. *The virtual community: homesteading on the electronic frontier*. Reading: Addison-Wesley, 1993. 304 p. ISBN 0-201-60870-7. (In Engl.).
4. Wellman B., Gulilia M. Virtual communities as communities // *Communities in cyberspace* / Eds. P. Kollock, M. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 167–193. (In Engl.).
5. Roberts P., Vidal L. A. Perpetual care in cyberspace: a portrait of memorials on the web. *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2000. Vol. 40, no. 4. P. 521–545. DOI: 10.2190/3BPT-UYJR-192R-U969. (In Engl.).
6. Roberts P. Here today and cyberspace tomorrow: memorials and bereavement support on the web. *Generations: Journal of the American Society on Aging*. 2004. Vol. 28, no. 2. P. 41–46. (In Engl.).
7. Sofka C. J. Social support 'internetworks' caskets for sale, and more: thanatology and the information superhighway. *Death Studies*. 1997. Vol. 21, no. 6. P. 553–574. DOI: 10.1080/074811897201778. (In Engl.).
8. Beaunoyer E., Hiracheta Torres L., Maessen L., Guitton M. J. Grieving in the digital era: mapping online support for grief and bereavement. *Patient Education and Counseling*. 2020. Vol. 103, no. 12. P. 2515–2524. DOI: 10.1016/j.pec.2020.06.013. (In Engl.).
9. Beaunoyer E., Dupere S., Guitton M. J. COVID-19 and digital inequalities: reciprocal impacts and mitigation strategies. *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 111. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106424. (In Engl.).
10. Amy T., Doka K. A call to action: facing the shadow pandemic of complicated forms of grief. *Omega — The Journal*

- of *Death and Dying*. 2021. Vol. 83, no. 1. P. 164–169. DOI: 10.1177/0030222821998464. (In Engl.).
11. Nguyen M. H., Gruber J., Fuchs J., Marler W., Hunsaker A., Hargittai E. Changes in digital communication during the COVID-19 global pandemic: implications for digital inequality and future research. *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6, no. 3. P. 1–6. DOI: 10.1177/2056305120948255. (In Engl.).
 12. Nguyen M. H., Hargittai E., Marler W. Digital inequality in communication during a time of physical distancing: the case of COVID-19. *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 120. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.chb.2021.106717. (In Engl.).
 13. Guitton M. J. The immersive impact of meta-media in a virtual world. *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28, no. 2. P. 450–455. DOI: 10.1016/j.chb.2011.10.016. (In Engl.).
 14. Guitton M. J. Living in the hutt space: immersive process in the Star Wars role-play community of Second Life. *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28, no. 5. P. 1681–1691. DOI: 10.1016/j.chb.2012.04.006. (In Engl.).
 15. Guitton M. J. Swimming with mermaids: communication and social density in the Second Life merfolk community. *Computers in Human Behavior*. 2015. Vol. 48. P. 226–235. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.004. (In Engl.).
 16. Saramaki J., Leicht E. A., Lopez E., Roberts S. G. B., Reed-Tsochafas F., Dunbar R. I. M. Persistence of social signatures in human communication. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2014. Vol. 111, no. 3. P. 942–947. DOI: 10.1073/pnas.1308540110. (In Engl.).
 17. McLuhan M. *Understanding media: the extension of man*. London: Routledge, 1964. 318 p. ISBN 978-0451627650. (In Engl.).
 18. German K., Drushel B. E. Introduction: emerging media: a view downstream // *The ethics of emerging media: information, social norms, and new media technology* / Eds. B. E. Drushel, K. German. New York: The Continuum International Publishing Group, 2011. P. 1–9. (In Engl.).
 19. Carroll B., Landry K. Logging on and letting out: using online social networks to grieve and to mourn. *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2010. Vol. 30, no. 5. P. 341–349. DOI: 10.1177/0270467610380006. (In Engl.).
 20. Barry E. From epitaph to obituary death and celebrity in eighteenth-century british culture. *International Journal of Cultural Studies*. 2008. Vol. 11, no. 3. P. 259–275. DOI: 10.1177/1367877908092584. (In Engl.).
 21. Walter T., Littlewood J., Pickering M. Death in the news: the public investigation of private emotion. *Sociology*. 1995. Vol. 29, no. 4. P. 579–596. DOI: 10.1177/0038038595029004002. (In Engl.).
 22. Clark D. B. The concept of community: a re-examination. *The Sociological Review*. 1973. Vol. 21, no. 3. P. 397–416. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1973.tb00230.x. (In Engl.).
 23. Hutchings T. Wiring death: dying, grieving and remembering on the internet // *Emotion, identity and death: mortality across disciplines* / Eds. D. Davies, C.-W. Park. New York: Routledge, 2012. P. 43–58. (In Engl.).
 24. De Vries B., Rutherford J. Memorializing loved ones on the world wide web. *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2004. Vol. 49, no. 1. P. 5–26. DOI: 10.2190/DR46-RU57-UY6P-NEWM. (In Engl.).
 25. Gibson M. Death and mourning in technologically mediated culture. *Health Sociology Review*. 2007. Vol. 16, no. 5. P. 415–424. DOI: 10.5172/hesr.2007.16.5.415. (In Engl.).
 26. Walter T., Hourizi R., Moncur W., Pitsillides S. Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis. *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2012. Vol. 64, no. 4. P. 275–302. DOI: 10.2190/OM.64.4.a. (In Engl.).
 27. Sas C., Schreiter M., Büscher M., Gamba F., Coman A. Futures of digital death: past, present and charting emerging research agenda. *Death Studies*. 2019. Vol. 43, no. 7. P. 407–413. DOI: 10.1080/07481187.2019.1647643. (In Engl.).
 28. Sofka C. J., Cupit I. N., Gilbert K. R. Preface // *Dying, death and grief in an online universe: for counselors and educators* / Eds. C. J. Sofka, I. N. Cupit, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. xv–xvi. (In Engl.).
 29. Chapple H. S., Bouton B. L., Chow A. Y. M., Gilbert K. R., Kosminsky P., Moore J., Whiting P. P. The body of knowledge in thanatology: an outline. *Death Studies*. 2017. Vol. 41, no. 2. P. 118–125. DOI: 10.1080/07481187.2016.1231000. (In Engl.).
 30. Baum F., Newman L., Biedrzycki K. Vicious cycles: digital technologies and determinants of health in Australia. *Health Promotion International*. 2014. Vol. 29, no. 2. P. 349–360. DOI: 10.1093/heapro/das062. (In Engl.).
 31. Obst K. L., Due C., Oxlad M., Middleton P. Men's grief following pregnancy loss and neonatal loss: a systematic review and emerging theoretical model. *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2020. Vol. 20, no. 1. P. 1–17. DOI: 10.1186/s12884-019-2677-9. (In Engl.).
 32. Ward K. The emergence of the hybrid community: re-thinking the physical/ virtual dichotomy. *Space and Culture*. 1999. Vol. 2, no. 4/5. P. 71–86. DOI: 10.1177/120633120000100405. (In Engl.).
 33. Gibson M. Grievable lives: avatars, memorials, and family 'plots' in Second Life. *Mortality*. 2017. Vol. 22, no. 3. P. 224–239. DOI: 10.1080/13576275.2016.1263941. (In Engl.).
 34. Park S., Hoffner C. A. Tweeting about mental health to honor Carrie Fisher: how #InHonorOfCarrie reinforced the social influence of celebrity advocacy. *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 110. P. 1–11. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106353. (In Engl.).
 35. Bell J., Bailey L., Kennedy D. 'We do it to keep him alive': bereaved individuals' experiences of online suicide memorials and continuing bonds. *Mortality*. 2015. Vol. 20, no. 4. P. 375–389. DOI: 10.1080/13576275.2015.1083693. (In Engl.).
 36. Brubaker J. R., Hayes G. R., Dourish P. Beyond the grave: Facebook¹ as a site for the expansion of death and mourning. *The Information Society*. 2013. Vol. 29, no. 3. P. 152–163. DOI: 10.1080/01972243.2013.777300. (In Engl.).
 37. Gamba F. Coping with loss: mapping digital rituals for the expression of grief. *Health Communication*. 2018. Vol. 33, no. 1. P. 78–84. DOI: 10.1080/10410236.2016.1242038. (In Engl.).
 38. Bassett D. J. Who wants to live forever? Living, dying and grieving in our digital society. *Social Sciences*. 2015. Vol. 4, no. 4. P. 1127–1139. DOI: 10.3390/socsci4041127. (In Engl.).
 39. Cerrillo-i-Martínez A. How do we provide the digital footprint with eternal rest? Some criteria for legislation regulating digital wills. *Computer Law & Security Report*. 2018. Vol. 34, no. 5. P. 1119–1130. DOI: 10.1016/j.clsr.2018.04.008. (In Engl.).
 40. Erdos D. Dead ringers? Legal persons and the deceased in european data protection law. *Computer Law & Security Report*. 2021. Vol. 40. P. 1–21. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105495. (In Engl.).
 41. Irwin M. D. Mourning 2.0 — continuing bonds between the living and the dead on Facebook¹. *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2015. Vol. 72, no. 2. P. 119–150. DOI: 10.1177/0030222815574830. (In Engl.).
 42. DeGroot J. M. 'For whom the bell tolls': emotional rubbernecking in Facebook¹ memorial groups. *Death Studies*. 2014. Vol. 38, no. 2. P. 79–84. DOI: 10.1080/07481187.2012.725450. (In Engl.).
 43. Knudsen B. T., Stage C. Online war memorials: YouTube as a democratic space of commemoration exemplified through video tributes to fallen danish soldiers. *Memory Studies*. 2013. Vol. 6, no. 4. P. 418–436. DOI: 10.1177/1750698012458309. (In Engl.).
 44. Cohen E. L., Hoffner C. Finding meaning in a celebrity's death: the relationship between parasocial attachment, grief, and sharing educational health information related to Robin Williams on social network sites. *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 65. P. 643–650. DOI: 10.1016/j.chb.2016.06.042. (In Engl.).
 45. Hoe-Lian Goh D., Sian Lee C. An analysis of tweets in response to the death of Michael Jackson. *ASLIB Proceedings: New Information Perspectives*. 2011. Vol. 63, no. 5. P. 432–444. DOI: 10.1108/00012531111164941. (In Engl.).

46. Beauoyer E., Guitton M. J. When popular culture phenomena provide experimental grounds for science: the example of death's perception, bereavement and mourning. *Journal of Science & Popular Culture*. 2018. Vol. 1, no. 2. P. 171–175. DOI: 10.1386/jspc.1.2.171_3. (In Engl.).
47. Daniel E. S., Westerman D. K. *Valar morghulis* (all parasocial men must die): having nonfictional responses to a fictional character. *Communication Research Reports*. 2017. Vol. 34, no. 2. P. 143–152. DOI: 10.1080/08824096.2017.1285757. (In Engl.).
48. Gamba F. Faire le deuil par l'image: les idiographies rituelles de commémoration sur YouTube. *Revue des sciences sociales*. 2015. No. 54. P. 72–79. DOI: 10.4000/revss.2311. (In Fr.).
49. Maddrell A. Online memorials: the virtual as the new vernacular. *Bereavement Care*. 2012. Vol. 31, no. 2. P. 46–54. DOI: 10.1080/02682621.2012.710491. (In Engl.).
50. Robinson C., Pond D. R. Do online support groups for grief benefit the bereaved? Systematic review of the quantitative and qualitative literature. *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 100. P. 48–59. DOI: 10.1016/j.chb.2019.06.011. (In Engl.).
51. Marwick A., Ellison N. B. 'There isn't wifi in heaven!' negotiating visibility on Facebook¹ memorial pages. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2012. Vol. 56, no. 3. P. 378–400. DOI: 10.1080/08838151.2012.705197. (In Engl.).
52. Nansen B., Kohn T., Arnold M., Van Ryn L., Gibbs M. Social media in the funeral industry: on the digitization of grief. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2017. Vol. 61, no. 1. P. 73–89. DOI: 10.1080/08838151.2016.1273925. (In Engl.).
53. Öhman C., Floridi L. The political economy of death in the age of information: a critical approach to the digital afterlife industry. *Minds and Machines*. 2017. Vol. 27, no. 4. P. 639–662. DOI: 10.1007/s11023-017-9445-2. (In Engl.).
54. Field D. Palliative medicine and the medicalization of death. *European Journal of Cancer Care*. 1994. Vol. 3, no. 2. P. 58–62. DOI: 10.1111/j.1365-2354.1994.tb00014.x. (In Engl.).
55. Northcott H. C., Wilson D. M. *Dying and death in Canada*. Ontario: University of Toronto Press, 2017. 336 p. ISBN 978-1442634565. (In Engl.).
56. Moore J. Being there: technology at the end of life // *Dying, death and grief in an online universe* / Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 78–87. (In Engl.).
57. Neimeyer R. A., Noppe-Brandon G. Attachment at distance: grief therapy in the virtual world // *Dying, death and grief in an online universe* / Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 103–118. (In Engl.).
58. Li J., Chen S. A new model of social support in bereavement (SSB): an empirical investigation with a chinese sample. *Death Studies*. 2016. Vol. 40, no. 4. P. 223–228. DOI: 10.1080/07481187.2015.1127296. (In Engl.).
59. Aoun S. M., Breen L. J., Howting D. A., Rumbold B., McNamara B., Hegney D. Who needs bereavement support? A population based survey of bereavement risk and support need. *PLoS One*. 2015. Vol. 10, no. 3. P. 1–14. DOI: 10.1371/journal.pone.0121101. (In Engl.).
60. Noppe I. N., Sofka C. J., Gilbert K. R. Death education // *Dying, death and grief in an online universe* // Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 163–182. (In Engl.).
61. Bryant M. Grieving with Buffy 20 years on. *British Journal of General Practice*. 2017. Vol. 67, no. 658. 222. DOI: 10.3399/bjgp17X690701. (In Engl.).
62. Myrick J. G., Noar S. M., Willoughby J. F., Brown J. Public reaction to the death of Steve Jobs: implications for cancer communication. *Journal of Health Communication*. 2014. Vol. 19, no. 11. P. 1278–1295. DOI: 10.1080/10810730.2013.872729. (In Engl.).
63. Brown W. J., Basil M. D., Bocarnea M. C. Social influence of an international celebrity: responses to the death of princess Diana. *Journal of Communication*. 2003. Vol. 53, no. 4. P. 587–605. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2003.tb02912.x. (In Engl.).
64. Mundt M., Ross K., Burnett C. M. Scaling social movements through social media: the case of black Lives Matter. *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4, no. 4. DOI: 10.1177/2056305118807911. (In Engl.).
65. Kates S., Terechshenko Z., Linder F., Nagler J., Bonneau R., Vakiliifathi M., Tucker J. A. Online issue politicization: how the common core and Black Lives Matter discussions evolved on social media // Center for Social Media and Politics. 2020. URL: https://csmapnyu.org/assets/publications/2020_09_04_CC_BLM_Evolved.pdf (accessed: 10.10.2024). (In Engl.).
66. Cumiskey K. M., Hjorth L. 'I wish they could have answered their phones': mobile communication in mass shootings. *Death Studies*. 2019. Vol. 43, no. 7. P. 414–425. DOI: 10.1080/07481187.2018.1541940. (In Engl.).
67. Robinson L., Cotten S. R., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., Schulz J., Hale T. M., Stern M. J. Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18, no. 5. P. 569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532. (In Engl.).
68. Whitehead L. C. Methodological and ethical issues in internet-mediated research in the field of health: an integrated review of the literature. *Social Science & Medicine*. 2007. Vol. 65, no. 4. P. 782–791. DOI: 10.1016/j.socscimed.2007.03.005. (In Engl.).
69. Moreno M. A., Goniou N., Moreno P. S., Diekema D. Ethics of social media research: common concerns and practical considerations. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2013. Vol. 16, no. 9. P. 708–713. DOI: 10.1089/cyber.2012.0334. (In Engl.).
70. Tasse A. M. The return of results of deceased research participants. *Journal of Law Medicine & Ethics*. 2011. Vol. 39, no. 4. P. 621–630. DOI: 10.1111/j.1748-720X.2011.00629.x. (In Engl.).
71. Breen L. J., Kawashima D., Joy K., Cadell S., Roth D., Chow A., Macdonald M. E. Grief literacy: a call to action for compassionate communities. *Death Studies*. 2022. Vol. 46, no. 2. DOI: 10.1080/07481187.2020.1739780. (In Engl.).

About the translator

АНТИПОВ Алексеи Владимирович, Candidate of Philosophical Sciences, Researcher of the Humanitarian Expertise and Bioethics Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. SPIN-code: 7782-1854
Correspondence address: nelson02@yandex.ru

For citations

Beauoyer E., Guitton M. J. Cyberthanatology: death and beyond in the digital age / trans. from Engl. A. V. Antipov. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 80–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-80-94. EDN: XOGCOB.

Received October 24, 2024.

© E. Beauoyer, M. J. Guitton